

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 17

1987

Микола БАЖАН

**ПРОЛОГ
К ВОСПОМИНАНИЯМ**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 17

Микола БАЖАН

ПРОЛОГ
К ВОСПОМИНАНИЯМ

ЛИРИКА

Перевод с украинского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Микола БАЖАН

Микола Платонович Бажан (1904—1983) на протяжении шестидесятилетней творческой деятельности создал стихи и поэмы («17-й патруль», «Резная тень», «Строения», «Ямбы», «Сталинградская тетрадь» и др.), многие из которых вошли в антологии и хрестоматии. Он переводил иноязычных поэтов, выступал как публицист и автор мемуаров, был ученым, академиком, главным редактором Украинской Советской Энциклопедии, видным общественным и политическим деятелем.

Известный своей стихотворной публицистикой и эпосом, Микола Бажан создал лирический свод, передающий напряженную духовную жизнь нашего старшего современника. Это своего рода лирический дневник человека двадцатого столетия. Мастер стиха, он создал свою, только ему присущую манеру письма — чеканную, точно интонированную, основанную на богатой украинской лексике.

В настоящий сборник включены лирические произведения Микола Бажана. Одна часть стихотворений вошла в книгу «Знаки» (1971), удостоенную Ленинской премии, другая часть не входила в книги и относится к числу новинок в литературном наследии поэта.

ПРОЛОГ К ВОСПОМИНАНИЯМ

В моих воспоминаньях, словно в кратере,
То вспышка вдруг, то снова тишина.
Я снова вспоминаю руки матери.
Она живет. Во мне живет она.
Вот, кажется, молчание нарушу,—
И сразу, обретая вес и плоть,
Войдут воспоминанья властно в душу,
И их уже ничем не побороть.
И стоит мне внезапно вспомнить что-то
И в сторону свернуть тропой не той,—
Как вмиг неожиданно из-за поворота
Опять предстанет век пережитой.
И кажется, лишь только пожелаешь
Подняться по ступеням в тишину,—
И порванную обретешь струну,
И вновь раздастся музыка былая.
О горький запах трав, что здесь растут,
Нам память будоражащий мгновенно,
И зеленцой гнилой покрытый пруд,
И вскрик над ним, и сладкий плач Шопена!
Среди воспоминаний, словно в чаше,
Я заблудиться б, вероятно, смог,
Перебирая в памяти неспящей
Сухие ветви пройденных дорог.
Нелегкая работа обновления
И поисков полузабытых слов—
И вновь при вспышке молнии виденье
Того, чем жил, того, чем жить готов.
Давно утихший гром клавиатуры,
На мостовой тачанки грозный звук,
И та обложка ленинской брошюры,
Что взял, как хлеб, из материнских рук.
Ты в памяти своей таишь и прячешь

Прожилки этой ласковой руки —
И ощущаешь пульс ее, и плачешь,
Как ночью плачут только старики.

1975

ИЗ ПИСЬМА

Нине Владимировне Бажан

I

Широкошумно в предрассветной мгле
Над Киевом прогрохотали грозы, —
И запах гроз, и запах туберозы
Дыханьем были, свойственным земле.
И рассвело. На листьях, на стволе
Зарозовели крапинами рёсы,
И засверкал, как блики в хрустале,
Спокойно-влажный запах туберозы.
Проходят грозы. И видны в тепле
Прозрачность праздных фраз и вялость позы,
Следы раздумий трудных, тень угрозы, —
И дотлевает в сизой полумгле
Ущербно-теплый венчик туберозы.

II

Но для меня они свежи, как росы,
Томительные стебли тубероз.
Они, как звуки флейты, сладкоголосы,
Напоминают фуриозо гроз.
Тебе я нес их, как бедняк приносит
Своей мадонне фитилек свечной.
Сочувствия, спасения он просит,
Рыдает он навзрыд по ней одной.
Ужели рассказать возможно в прозе,
Как радость мне кивнула на лету?
Я кланяюсь той нежной туберозе,
Что засияла мне сквозь темноту.

О, темных далей горькая услада!
Скрывать не надо полновластья грёз.
Доселе тихо пахнут, как лампада,
Хрустальные ладони тубероз.
Как запахи духов в покинутом флаконе,
Дух этих тубероз мной бережно храним.
И вновь целуя их пахучие ладони,
Склоняюсь я к рукам натруженным твоим.

1939

КЛАРНЕТ ТЫЧИНЫ

Поклоняюсь высокому слову,
сказанному поэтом,
Гимну дерзких стремлений,
песне далекой цели.
В рифму поток струится.
Игры лучей, как трели.
Солнечный праздник утра
чисто воспет кларнетом.
Многоязычная гамма,
симфония мировая —
В ней не молкнет голос Тычины,
кларнет светозарный и вещей.
Людам, умеющим слышать,
нежность его живая
Над человеческим сердцем,
как жаворонок, трепещет.
И сколько бы мне ни слушать
гомон, звучащий в мире,
Я слышу в нем постоянно
голос поэта-провидца.
Он наполняет душу,
и душа становится шире,
Когда небывалой зарею
петь начинают птицы.
В те дни, когда земли гудели,
смещались оси планеты,
Вихрились в бурях дороги,
кипели в душах пучины,

О, как же мне было нужно
певучее слово Тычины
И как меня покорили,
учитель, Ваши кларнеты!
Дано им звучать органом,
во храме людям открытом,
Осанной дневному сиянью,
эхом бездонной сферы,
Это под стать вдохновенным
провидцам космической эры,
Певучим спутникам мира,
летающим по вечным орбитам.

1973

ПАМЯТНИК ЛЕСЕ УКРАИНКЕ В САСКАТУНЕ

В октябре 1976 года в канадском городе Саскатуне открыт памятник Лесе Украинке как дружественный дар народа Советской Украины. Националисты всячески этому препятствовали. И все же они не смогли помешать в проведении этого праздника солидарности, мира, поэзии.

Сквозь преодоленные дали
и мирные меридианы,
Сквозь грохоты ураганов
и тишь наступающей мглы,
Сквозь бури, и шквалы, и смерчи,
сквозь грозные океаны,
Что грузно на пирсы и судна
бросают седые валы,
К тенистым аллеям Канады,
на Саскатуна поляны,
Затягивая все туже
тугие морские узлы,
Везли эту звонкую бронзу —
литейное чудо Урала

И выбранный для пьедестала
волынских карьеров гранит.
И статуя — соединенье
любви, вдохновенья, металла —
За морем взойдет по ступеням
до блеска шлифованных плит.
О бронзы величие вечное!
О камни, упорно граненные!
О женщина храброго племени
творцов, мастеров и борцов!
Она на гранит твой поднимется,
глаза приоткроет бессонные
И вымолвит слово сердечное —
сокровеннейшее из слов.
И вылетит слово стозвонное,
как искра, как сталь закаленная,
В осенние синие дали
канадских долин и лесов.
Ту даль нечужую почувствует,
увидит своими глазами
Эти холмы, что похожи
на склоны равнины родной,
И поле Альберты покажется
гадячскими полями,
Саскачеванские волны —
припятскою волной.
Вокруг Лесиной статуи
в порыве совсем непарадном —
Они — молодые и старые —
на встречу с Ней собрались,
Овеяны духом осенним,
прозрачным, чуть-чуть прохладным,
И всю толпу озарила
та, что сияла, как мысль,
В солнечных беглых бликах,
под куполом неоглядным —
И люди пред нею стояя,
мечтой порываясь ввысь.
Привет, светоносная Леся,
ты росы любила, как звезды,
Страдалица, что неуклонно
служила великой мечте,
Ты в вечность ступила так твердо,
по-человечески просто,

Как и по жизни ступала,
в борении, в правоте.
По темным рабочим кварталам,
по тропам вольтинских погостов
Ступала всегда без боязни
под тучами в высоте.
Приветствуй людей, что, как праздника,
твоего ожидали прихода,
За то торжество боролись,
что только сегодня пришло.
А недругов выдавала
продажная их порода,
Поклепы, коварство, интриги,
предательство, ненависть, зло.
Они растоптать хотели
часть твоего народа,
Но камнем, тяжелым камнем
проклятье на них легло.
Враги замолчали угрюмо,
предатели стиснули зубы,
И только гримасами скрытыми
им злоба коверкает рты.
Пусть сами себя проклинаят
безумцы и душегубы,
Увязнув в трясилах отчаянья,
одиночества и тщеты.
Как смеют поднять они руку
на Лесю, которую любит
Прекрасное человечество,
в сиянье ее красоты!
Она поднялась здесь навеки —
ласково, гордо, смело —
Посреди широкого луга,
толпою людей окруженного,
В своей нежно-женственной стати
болезненно-хрупкого тела,
Работами и заботами
горестно изможденного...
Как солнца певучие блестки,
над ней музыкально звенела
Листва канадского клена,
осенним днем золоченного.

1976

НИКОЛАЮ ТИХОНОВУ

Давно —
 как давно! —
 еще в юности,
 жажду мужанья познавшей,
Из чаши твоей я напился
 крепко заваренной браги,
На ярком огне революции,
 упруго заклокотавшей,
На травах России настоящей,
 на мужестве и на отваге.
Доныне я слышу в сердце
 тех строчек порывистый лад,
Поэзию трудных походов,
 внезапных утрат и невзгод,
Оставшую навеки
 в стремительных ритмах баллад,
В мелодии грустных раздумий
 и в бронзовых окликах од.
Такой, как та книга, —
 и нежный,
 и мужественный,
 и страстный,
Солдат, Ты прошел сквозь все войны
 и беды своей земли,
И все ж никакие вихри
 нигде никогда не смогли
Угаснуть Твоей тревоге,
 возвышенной и прекрасной.
Таким Ты всегда был и всюду
 и ныне остался таким —
Солдатом свободы и мира,
 победы и гнева поэтом,
Несущим надежду и радость
 мятежным сердцам людским
По всем беспокойным дорогам
 на всех континентах планеты!
Ты знаешь просторы земные —
 и горы, и реки, и тропы, —
Как знаешь свою трудовую —
 в морщинах и шрамах — ладонь.
Проснувшись бушуют вулканы,
 что спали с времен допотопных,

Потоками бунта
наружу
разгневанный рвется огонь.
В эпоху неслыханных штормов,
циклонов и землетрясений,
Невиданных битв и триумфов,
высоких надежд и утрат
Ты выстоял так, как надо,
без ропота, без сомнений,
Как выстоять и обязан
в бою
настоящий солдат.
Как сталь небывалого сплава,
чистейшего звука и лада,
Ты выковал стих свой могучий
и душу в огне закалил
При свете гусарских биваков,
в железных ночах Ленинграда,
На Выборгских переправах,
среди надолбов и могил.
Прошедший сквозь беды века,
бесстрашный поэт и воин,
В шинели своей походной,
прожженной огнем до дыр,
Ты знаешь, к чему стремится,
чего твой народ достоин,
Какую вложил он надежду
в три буквы заветные — мир.
Дороги.
Дороги планеты.
Дороги единства и дружбы.
От башен и стен Кремлевских,
от киевских врат Золотых —
Туда, где теснины Амура,
где синие глетчеры Ужбы,
Где грохот таежных строек
и шепот пустынь вековых.
И дальше. И дальше. И дальше.
И нет никаких кордонов
Для белого голубя мира,
надежды и счастья людей.
Ее, эту вольную птицу,
посланницу миллионов,
Сквозь бури крутые столетья
несешь ты в душе своей.

О щедрость души!
Ее пламя,
и страстность ее, и исканья,
И радость,
и встреча с любовью,
и гордая тяжесть борьбы.
И рядом — твой современник,
прошедший сквозь все испытанья,
Достойный твоих вдохновений,
достойный высокой судьбы.
Искать человека повсюду.
На дальних дорогах всесветных,
На горной тропинке за тучей
и в джунглях, среди духоты,
В кипении митингов гневных,
в мелькании дел повседневных,
На голос идти человеческий,
на плач и на зов немоты.
Пусть люди, в борьбе погибшие,
но снова с живыми, со всеми
Воскресшие,
торжествуют
и всходят на горы с Тобой,
Под аркой стоят триумфальной
в балладе Твоей и в поэме,
Пусть реквием славы и скорби
звучит над их головой.
Ты знаешь —
ведь горьким подобны поминкам
Минуты, когда полями
идешь, как траншеями тесными,
Ступаешь по воспоминаниям,
как будто ступаешь по минам,
Когда над могилами братскими
шатаешься, как над безднами.
Я знаю, что значит —
по воспоминаниям
идти и идти, спотыкаясь
О холмики в цвете барвинковым,
о пни давно срубленных дней,
В тревогах минувших не каюсь,
от мертвых не отрекаясь,
И твердо стоять, оставаясь
на вахте бессонной своей.

1976

ОЛЕСЮ ГОНЧАРУ

Следила смерть безглазая за Вами
Прицелами стеклянных злобных линз,
И падали друзья во рвы и ямы,
И вспышки битвы, как линии кардиограммы,
То рвались вверх, то устремлялись вниз.
Сквозь рев боев Вы шли навстречу смерти,
Не уставшей истреблять и жечь,
И в огневой жестокой круговерти
Сумели нежность сердца Вы сберечь.
Здесь были рядом мужество и слава,
Великое с обычным наравне,
И жертвенность, и клочья тел кровавых —
Кошмар тех дней, что снятся Вам и мне.
Да, наши души вдруг отяжелели,
И все же, прежней чуткости полны,
Мы веру в человечество сумели
Спасти и сохранить среди войны.
Весна и жизнь вовек непобедимы,
Как верность, честь, надежда и любовь,
Что так разнообразны и едины
В миллионах душ, на сотнях языков.
С чем это море я сравню людское,
Что в берега раздумий бьет опять?
И пресыщенья нет, и нет покоя
Для жажды жить, творить и созидать.
Весна людей — светлы ее дела,
Исполнено ее явленье ласки.
Как дивно ветвь сирени расцвела
В сосуде кованом солдатской каски!

1976

ПАМЯТИ ЮРИЯ СМОЛИЧА

I

По лестнице крутой все выше, выше
Я тяжело поднимаюсь в тишине
И, кажется, его дыханье слышу,
Но не выходит он навстречу мне.

Все как при нем — раскрытый верх машинки,
Кленовых листьев пламенный букет,
Стена из книг, на столике — новинки.
И лишь его, увы, на месте нет.

Но снова мнится силуэт знакомый
На фоне серо-синего окна.
И улыбается хозяин дома,
Светла его улыбка и грустна.

И этот свет, не гаснущий поныне,
Я сызнава ищу. А вдруг найду?
Пускай вокруг — безлюдие пустыни,
Я по ступенькам все-таки взойду.

Быть может, на стремянке он, а может,
Вздremнул, расположившись на тахте,
Я вспоминаю век, что другом прожит,
Предшествовавший этой немоте.

Одолеваю лестницу крутую.
Переступив запретную межу,
Вновь, как обычно, в комнату войду я
И «Здравствуйте!» хозяину скажу.

II

Ты сел, проснувшись. Где будильник?
Полночь.

Безмолвие сгущается опять.
Петух соседский о себе напомнит,
Тебе его уже не услышать.

Вселенная, как волны половодья,
Смыкается над головой твоей.
Ты слышишь? Неминуемое входит.
Молчанье криком разорви, развей!

Сквозь темень всматриваешься незряче
В происходящее. Настал твой срок.
Жена запричитает и заплачет,
Ты вытянешься, неподвижно строг.

Придет конец надежде, грусти, вере.
Останутся в объятьях пустоты
Любимая, друзья и — след потери —
Незавершенной повести листы.

Ждать этого всю ночь? Томиться нудно
Иль кануть в темень, покорясь судьбе?
Здесь утром будет шумно, многолюдно,
Венки и речи принесут тебе.

Простертый на хрустящем покрывале,
Скрестив свои ладони на груди,
Ты будешь постигать иные дали,
Уже забрезжившие впереди.

Предвечные мгновенья. Жизни звенья.
Обрывки лет...

Ужель судьба твоя
Тебе в минуту полного прозренья
Явила только лик небытия?

1976

* *
*

Вглядись в себя поглубже. Прямя и крепко,
Ты выстоял наперекор судьбе,
И в лабиринтах черепного склепа
Свой малый космос ты несешь в себе.

Там завихренья крохотных галактик,
Вращаются рои микропланет.
У каждой облик свой и свой характер.
Их суть неразделима — мир и свет.

С космическими сферами так схожи,
Два полушарья силу обрели.
Что это? Сгусток плазмы или, может,
Модель Вселенной, копия Земли?

Тут родниковые ключи артерий,
Извилистые стоки темных вен.

В слиянье клеток, в мудром их сплетенье
Живой росток — незамутненный ген.

Надежный код, исконный свод законов,
Скопление загадок... Ты опять
Заворожен миллиардами нейронов,
Что, всю махину эту с места стронув,
Себя стремглав стремятся испытать.

Все вздрагивает. Вспышки лучевые.
Контакт. Взлетает молния, как плеть.
И это их разряды грозовые,
Их ритм, их жажда, их энергосеть.

Бег импульсов, биенье в чутких тканях.
Механика сознания строга.
Курцшлюз... В коротком этом замыканье
Трепещет мысли вольтова дуга.

Вот бездна мозга, кругозор бескрайний.
Блуждая в неизведанных мирах,
Ты ищешь соприкосновенья с тайной
И перед ней испытываешь страх.

Вся мешанина эта — сочетание
Железа, серы, фосфора, воды —
Природы наивысшее создание.
Се — человек. И все его труды.

Его победы над бедой и болью,
Его открытия и утраты все,
Взрыв нежности и непреклонность воли,
Земная жизнь в уродстве и красе.

Волнение коры и разум тот, что зорок
И видит шифров глубину и высь.
Но ты еще внимательней взглядишь
В себя.

А что же дальше?

Бедный Йорик!

1976

ПЕРВЫЙ СНЕГ

...И только твой след на хрустящей пороше,
Оттиснутый синюю тенью следок.
А сердцу легко от раздумий — от ноши
Бесшумной, как снег, что негаданно лег.

Пороша обвила стерильной повязкой
Все боли души очерстевшей моей.
Я слышу: под ломким, как музыка, настом,
Все сроки нарушив, петляет ручей.

Надежда, как вешняя почка на ветке,
Раскрылась в придуманном мною тепле.
И ливень, стремящийся к первой разведке,
Звения и сверкая идет по земле.

Дождинки развешаны, словно сережки,
На белых и розовых сучьях берез.
Они повисят и поблещут немножко,
Потом растекутся по древу вразброс.

Мерцает пороша. Но пахнет весною
Начальный, пугливый еще снегопад.
Ты рядом. Обнявшись, мы входим с тобою
Во мгlistый, задумчиво шепчущий сад.

Созвучья сплетаются, как разнотравье,
Мелодия вьется тропой голубой,
И воображенье становится явью,
А явь оборачивается судьбой.

Я шепоту чистой пороши внимаю
И в добром предчувствии общих дорог
Склоняюсь и нежно к щеке прижимаю
Твой, взятый из теплого снега, следок.

1977

* *
*

Луг осенен благословеньем снега.
Полет белейших звезд нетороплив.
В молчании листаю книгу света,
Непостижимых тайн и дивных див.

Летучий сумрак нависает сверху,
Дурманит сердце и туманит взор.
А снегири, как брызги фейерверка,
Вонзаются в серебряный простор.

Я сам, как тот кристаллик невесомый,
В ладонях благодатных таю вдруг,
Незримыми руками вознесенный
Превыше всех печалей и разлук.

Иду, впадаю в дрему и мечтаю
Остаться в ней, чтоб долго видеть сны
И в снежный вечер добрести до края
Извечной, белой, доброй тишины.

1977

ЛАМПОЧКА ВДАЛЕКЕ

В ночной дали, печально, одиноко
Желтеет лампочка. Неяркий огонек
Пронзил неотвратно и глубоко
Пространство хмурое, осенней тьмы поток.
А вокруг нее, как чугуна обломки,
Как слой бесцветных плит, разбросанных
вокруг,
В ее лучах, преодолев потемки,
Разливы серых луж просверкивают вдруг.
Все настороженно. Река умолкла, злая.
Безгласные застыли берега.
Так для кого ж горит та лампочка ночная?
Кто выйдет в эту ночь на гиблые луга?

Кто эту даль, и топь, и мрак осилить сможет?
Кто, не боясь угроз, один пересечет
Безвременье, беззвучье, бездорожье,
Где словно крика ждет молчание болот?
Но кто тут протянул живые струны света?
Кто смерил эту даль безлюдной тишины?
Не рано ль начато святое дело это —
Вбит в землю первый столб? Но кто бы ни был

ты,

Хвала тому, кто вел во мраке и в пустыне
Надежды, провода, орбиты и пути.
Кто в сгусток ядерный вступил отважно ныне,
Кто в штормы космоса осмелился войти,
Над бездной звезд взошел, безмерность смог
измерить,
Взглянул в водоворот бездонных черных сфер!
Умешь ты дерзать, и познавать, и верить?
Не утоляй порыв, не бойся новых мер,
В неведомое мысль вонзая, как спирали.
То луг иль целый мир? То лампа иль заря?
Слабеет ужас ваш, немеренные дали,—
Пронзило вас сиянье фонаря.

1977

ВСПЫШКА СОЗВЕЗДИЙ

Ночь осени. Внезапный звездопад.
Разящих метеоров рикошеты,
И брызги звезд, летящих из Плеяд,
И жгучий прах распавшейся кометы.

Над нами бездн и бурь круговорот,
Рождения и гибели круженье,
И взрывы сотрясают небосвод...
То звездопад

иль предостережение,
Чтоб не теряла свой ориентир
В пучинах океана мирового
Звезда людей — неповторимый мир
Единственного разума живого?

1978

ТИШИНА

Узкой тропинкою в сумерки чащи
тихо войду, словно в белый собор,—
в этот покой, величаво молчащий,
в этот пустынный заснеженный бор.
Тропка не вскрикнет, не скрипнет, покуда
спят неподвижных сугробов тела.
Разве что вспыхнет снегирь красногрудо,
снег осыпая касаньем крыла.
Тайну молчания вещей мгновений
мне ли изведать сегодня сполна?
Сладкой истомой лесных наваждений
мягко колышет меня тишина.
Счастья и горечи переплетенье,
все увлечения прожитых дней —
в зыбких виденьях, в безмолвном струенье
сомнамбулических плавных теней...
Глубже вздохни, о былом не жалея,
тихо входя по тропинке лесной
на бесконечные эти аллеи,
в вечность протянутые тишиной.

1978

* *
*

Н. Б.

Чебрец и вереск, мшистые холмы,
и цепкий дрок, и горечавки нить...
С тобою часто отправлялись мы
по луговинам киевским бродить.

И вновь открылся вересковый сон,
росистый холм, соцветий бледных срез,
откуда видно, как за небосклон

пльвет-пльвет Пуща-Водицкий лес.
Ты помнишь? Скоро будет тридцать лет,
когда впервые мы сюда пришли,
где расстилает вересковый цвет
тугой свой пласт на свежести земли.
Ты наклонилась осторожно. Ты
срываешь лиловатый огонек,
чтоб пронести хрустящие цветы
сквозь дни воспоминаний и дорог.

Сияет он, мерцает, не угас
цветенья тихий свет, невытоптаный след
исхоженных путей и пережитых лет,
что памятью теперь освящены для нас.

1978

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Хрустящим золотом вечернего мороза
объаты ветви, четко вписанные в небо.
На сердце — грустно, трепетно и немо,
как после синего, прозрачного наркоза.

Выздоровленья светлое раздолье,
спокойны ритмы размышлений поздних,
питье от приступов усталости и боли —
настоянный на мерзлой хвое воздух.

Застывший мир, певучий и влекущий,
аллеи ветром высквоженной стужи,
коряги старой монастырской пущи,
где пост и песня врачевали души.

Извечно песни моего народа
спасали сердце от пустого тленья,
чтоб воплощались разум и природа
в гармонию духовного горенья.

Припоминаю вновь слова стокрылые
и знаю — нет, не покачнусь я, выстою,
вспоенный вашей родниковой силою,
красою вашей, бессмертною и чистою.

1978

* *
*

...Пусть опаленным ртом еще хоть раз коснусь
Я животворного, как молодость, настоя
Воспоминаний,— эта радость, эта грусть
Врачует душу, все ранимое, живое.
Боль сладкая, ты — след невозвратимых лет,
Надежд, иллюзий плод неимоверный,
Тревожный взлет событий, дней, планет
И светлая печаль любви первой.
О, юношеских тайн заветный материк,
Как плавно ты возник, лишь память захотела;
Ты веешь теплотой любви, июля, тела
И горьковатым ароматом земляник,—
Дышу их россыпью, их горькотой земной
И, грусти преисполнившись лучистой,
Склоняюсь над пахучею землей.
О, этот день блаженный и душистый!
На век запомню я, на жизнь и на потом
Твои лучи, и запахи, и сладости.
Сияй, искристый, отдавай теплом
Меня и в час моей последней радости.

1979

* *
*

Мы столько дорог одолели вдвоем —
Чего не случалось в пути?
Тревога и поиск, отвес и подъем,
И трудно, и чудно идти.
Путем столбовым и окольной межой
Мы шли — иногда наугад.
Но все, что собрали, согрели душой,—

Сокровище сущее, клад.
Крупницу такого утратить нам жаль,
Ни щепки не бросим на слом,—
Отчаянье, каждая наша печаль,
Померкнув, задышит теплом.
Мы руки протянем в далекие дни,
К теплу пережитой тревоги,
И ты мне так радостно скажешь: «Взгляни,
Как руки сплелись и дороги».
Отчаянья клещи, кинжалы разлук,—
Никто разрубить бы не смог
Сплетение клятвенно сомкнутых рук
И пройденных вместе дорог.

1979

* *
*

В себе самом, как в келье затхлой, замыкаться,
Встреч избегать и веских слов бояться,
И дряхлость мыслей волочить уныло,
Как тень за тенью, следом за собой?
Ужель вот так ты будешь за судьбой
Брести, тащиться дальше через силу?
Ужель приснилось? Померещилось? Почудилось?
Теперь истаяло, зачахло, улетучилось?
Ужель бесследно канет в забвенье,
И знать не будешь, где чужое, где твое?
Иль только грезится? Во сне воображается,
Где побывал, где был и видел то, чем жил?
И, как немой слепец, забвенью приближается
Тайком на склоне дней и на исходе сил.
Гони его, кляни, голодного, усердного,
Пусть память занесет над ним свои бичи,
Чтоб прожитого здесь, неверного и верного,
Тебе не позабыть,— вставай, взывай, кричи!

1979

ШЕПОТ

К своим душевным шепотам заветным
Приинхни чутким слухом и поймешь —
Из памяти, чья глубь грузнее грозных нош,
Ничто, ничто не возвращается в ответ нам,
Лишь эха позднего изменчивая дрожь.
Дрожащий отзвук голосов, умолкших ранее,
Тень отлетевших ранее теней,
Дрожащий отблеск прежнего сияния,
Летучий пепел вымерших огней.
Глухой пустырь окаменелой старости.
Беги, душа, чтоб ты опять могла
Увидеть, как воскреснет свежесть радости
На пастбище, истоптанном дотла.
Так мало нужно для ростков счастливости —
Роса и солнце в голубом ковше.
Напейся всласть, воспрянь, чтоб радость вынести
В последний путь, назначенный душе.
Глубь сердца слушай, словно глубь колодца, —
Еще звенит ли там живой ручей?
А грянет тишь — замри, пускай начнется
Мгновенье вечной тишины твоей.

1979

БЕЛЫЙ ЦВЕТ ШИПОВНИКА

Памяти Всеволода Иванова

Сияет снова куст — цветет шиповник белый,
Когда-то привезенный мне из Подмосковья.
Его лучистостью украинской согрело.
Я радуюсь красе, не налюбуюсь вновь я
Подарком друга, — он так гордо смотрит: «Здесь я».
Как драгоценности, несет бутонов кисти.
В нем запах теплых роз, и дышат летом листья,
И светятся соцветья, как созвездья,
И трепет пчел звучит, как благовестный хор.
Шиповник весь гудит торжественным хоралом.

Он словно белый храм. Перед его порталом
Стою задумавшись. И вспомнил я собор,
Что с другом видел я над Нерлею-рекою, —
К нему мы подошли. И смолкли мы вдвоем.
Воспоминания нахлынули волною,
И прошлое меня овеяло крылом.
Нет, мне не позабыть собор неповторимый,
Те дни блаженные, луга в узорах те,
И чистый небосклон, и свет, кругом струимый.
Сиянье высилось в прекрасной простоте.
Цветку шиповника виссон подобен белый
Пречистых светлых стен. Священный этот храм
Встал, как порыв души, безудержный и смелый,
Поднявшись к высоте, к бездонным небесам.
Мой друг, как хорошо он эти знал порывы,
Боль горьких неудач и триумфальный взлет.
Все знал, и бушевал, и поседел, но живы
Года тревожные трудов, забот, невзгод.
То северный был храм. Прохладен и неярок,
Вздыхался он в простом и точном ритме линий.
С каким достоинством и благородством арок
Он высился на ткани неба синей!
И серебрился блеск, такой же, как на храме,
На жемчуге реки, на волнах этих вод.
Торжественен и строг над Нерлею встает
Преславный храм. Над лугом перед нами
Он гордо высится, красой нас покоряя, —
Собор, воздвигнутый на похвалу векам.
Благоговеино мы вступили в древний храм —
В храм, переполненный молчанием до края.
Мой друг вошел и стал. Его пыгливый взор
Прикован к фризам, где видны изображенья
Суровых воинов, готовых для сраженья,
И дев таинственных. Потряс его собор.
В тимпанах стиснуты, сплетались молчаливо
Крутые контуры одетых камнем мифов,
Орлов крылатых спор и схватки грозных гриффов,
Узлы тяжелые растений, их извивы.
И в мощи образов, в торжественности строгой
Славянский светлый свет тогда открылся нам,
И стала радостным спокойствием тревога.
Шиповник белый цвел. Сиял нам белый храм.

ПОЕЗДКА В ЛИТВУ

О ты, Литва, моих прапрадедов отчизна!
Ведь ты и для меня отрадна, как здоровье.
Скиталец, позабыв события, даты, числа,
Я к вильнюсским вратам пришел
с горящей новью.

В глубинах чувств моих,
в тревожной тайне генов

Доныне слышу плеск литовских мерных рек,
И звуки давних дайн, и речь аборигенов,
Как руны, вписанные в жизнь мою навек.
Где на латыни мог слагать мой пращур оды,
Где я с любимую услышал первый гром,
Что был предвестьем гроз, разверзшихся потом,
Там я частицей стал твоей живой природы,
И нынешнего дня, и старины седой.
Слова Литвы стары, но смысл их молодой
Я внятно ощутил в недавних сновиденьях,
И в песнях вдумчивых, и непрестанных бдений
Под дубом Вилии над золотым огнем.
Моя любимая! С тобой еще придем
К дубам и к башням, в мир необычайных дайн,
Целебных снов и неоткрытых тайн,—
И мудрый Вайделот на счастье нам, на радость
Нас повстречает там, где шли пути предтеч,
И удивится нам, и, слыша нашу речь,
Он, строго поглядев, задаст вопрос:

«Quo vadis»¹

В ту речь, вилийским подчиненную стихиям,
Мне не чужую речь, как в песню давних лет,
Я чутко вслушаюсь и так скажу в ответ
Зело седому жемайтийцу:

«Scio viam».²

¹ Куда идешь? (лат.)

² Я знаю дорогу (лат.).

ЗА ШАГОМ ШАГ

По жизненной стезе за шагом шаг назад
Бреду я в глубь времен. А что там в глубине!
Я вижу города и гор степенный ряд,
Холмы, и ямины, и звезды в вышине.
Все, все, что вспомнилось, привиделось во сне,
В раздумье медленном иль суетной возне,
Все, что пригрезилось и намечталось мне.
Воспоминания — событий бледный след —
За мною тянутся и шепчут мне о том,
Что привелось познать, что на излете лет
Еще судьба пошлет мне на пути моем.
Безвучный стон и крик при памяти утрат,
Копанье тщетное в угаснувшем огне —
Оно печет, кричит, безумствует во мне.
Когда я следую по жизни вспять, назад.
Дорогой жизненной я в прошлое иду.
Пронзают дни мои, как молнии, меня.
Тогда я вижу даль, метельных лет грядущу,
Движенья мощных толп, и треволнения дня,
И каждый час труда, которым я живу,
Что напряженно так проходит наяву,
И лица всех друзей, что преданы труду.
Я знаю думы их и слов их знаю лад.
Я вспоминаю все и всех, когда бреду,
По жизненной стезе бреду я вспять, назад.
Я должен бы теперь упасть уже без сил,
В пыли умыть лицо и утолить свой пыл,
И задыхаться так, преодолевая боль,
Чтоб удержать в себе усилие тысяч волей.
Нет, я не падаю, хоть спотыкаюсь я,
И внутренний поток, незримая струя
Меня подхватывает, тянет и несет
Сквозь все, что мне сулит идущий год,
Сквозь даль раздумий,
дел при солнце и во мгле,
Сквозь красоту и тлен,
сквозь ветры и сквозь страх,
Сквозь морок, дым и стынь на огненной земле,
Сквозь взрывы под землей,
сквозь взрывы в небесах.

Воспоминания — ко мне! Я жду и жажду вас,
Скорей сюда, при вас мне жизнь куда видней.
Светите мне — пускай хотя б на миг, на час
В туманах памяти, на перепутье дней.
О, свечи памяти, ваш отблеск не угас.
Из кладовых воспоминаний все полней
Извлечь бы поскорей их золотой запас.
Я вас услышу даже в глухоте,
И в шуме сборов, может, невпопад,
Когда бреду один в гнетущей темноте,
По жизненной стезе бреду я вспять, назад
Не заблужусь под сенью темноты
И не согнусь, хоть груз на мне велик.
О, лиц незабываемых черты!
О, лик мечты — эпохи строгий лик!

1982

ФОНТАН

Трепещет радуга в игре фонтанов.
Сребристо-прихотливая, она
Желта, прозрачна, зелена, багряна,
Как арфа многострунная, стройна.
Плесканье вод, шуршанье водомета.
Фонтан певуче-щедро ввысь плеснул,
И слышен мне восторг его полета,
Какую весть несет мне этот гул!
Танцует тень на зелени садовой,
Ведут дриады звонкий хоровод.
Я слышу музыку, как чудо, как обнову,
Сквозь кисею прозрачно-тканых вод.
Ритмичный плеск незримых ножек странно
Вплетается в кружение воды.
Сиянье брызг в мелодике фонтана
Мне видится улыбкой доброты.
Луч из воды — перетеканье света
Мне знак надежды, ждущей впереди.
Ужели это верная примета

Того, что жизнь велит: надейся, жди!
Ужели это звонкое сиянье
Меня введет в тот мир, что был и есть,
И в колдовстве фонтанного звучанья
Я для себя найду благую весть!
Поверь в нее, доверься дню и чуду.
Ужели свету умереть дано!
Нет, нет, его читать я снова буду
Как я читал его давным-давно.

1983

ПРОЩАНИЕ

Рука твоя приветливо-тревожно
Рванулась из вагонного окна.
Ни крикнуть, ни услышать невозможно,
Что на прощанье молвила она.
Любимая, я знаю: в сборах вечных,
На суетных дорогах бытия
Так много слов воистину сердечных
Не вымолвил и не расслышал я.
Да, мне известно: в каждом расставанье
Есть боль неповторимая, тоска,
Как бы навеки вечное прощанье,
Придет ли он, ответ издалека!
Уехала, и тяжело в час печальный,
Что не помочь ей в путевой судьбе
Ни в хлопотах на пересадке дальней,
Ни в помыслах, неведомых тебе.
Любимая, послушай! Ночь все тише.
Пространство ночи говорит без слов.
Чу! Среди мрака сердцем ты услышишь
Мой сдержанный невымолвленный зов.
Я слушаю тебя, в быту вагонном
Ловлю твой отзвук, время торопя,
И в одиночестве таком бездонном,
Безмолвно-громко я зову тебя.
Духов я слышу запах на ладони —

Их на прощанье ты мне пролила,
И под подушкой чужой казенной
Найду я горстку твоего тепла.
Я буду жить и памятью и тенью,
Жить ожиданием такого дня,
Когда в ночи осеннего смятенья
Ты из вагона позовешь меня.
И вновь увижу я в дверных проемах
Животворящий взмах твоей руки,
И тувфелек твоих, давно знакомых,
Услышу я бодрящие шаги.
Вернись, любимая! Все будет складно
И ладно — оживится дом опять.
Тогда-то с глазу на глаз, вероятно,
Я то скажу, что не успел сказать,
Что улетело в сумерки, наверно.
Что тенью кануло в разливы тьмы —
И меру чувства, меру, что безмерна,
С тобою вместе испытаем мы.

1983

ПЕРЕЗВОН ЛАНДЫШЕЙ

Какое арпеджио слышу неспешное,
Белесое, чистое ноток свеченье!
Живых стебельков поклонение нежное,
Звончков фарфоровых прикосновенье.

Семь ноток — финальная ария ландыша,
Звучит семизвучное это прощанье,
Свирель этой песни, с весною не сладивши,
Привяла, и грустно ее увяданье.

Сейчас от души я прошу вас о малости —
Ко мне наклоните вы чашечки ваши,
Чтоб зелье от старости и от усталости
Я смог бы испить, как пивали из чаши.

Хоть каплю! Росинку! Не надо до сытости.
Душа доброту не утратит в тревогах.
Пусть дух окрыленности, жажда открытости
Сопутствуют нам на житейских дорогах.

Дыхание ландыша — встреча начальная,
Прощальная встреча, кончается сказка.
По мне — эта поздняя ласка печальная,
Весенней надежды последняя ласка.

1983

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Пролог к воспоминаниям — <i>перевод М. Матусовского</i>	3
Из письма — <i>перевод Л. Озерова</i>	4
Кларнет Тычины — <i>перевод М. Алигер</i>	5
Памятник Лесе Украинке в Саскатуне — <i>перевод Л. Озерова</i>	6
Николаю Тихонову — <i>перевод Л. Смирнова</i>	9
Олесю Гончару — <i>перевод М. Матусовского</i>	12
Памяти Юрия Смолича — <i>перевод Я. Хелемского</i>	12
«Вглядись в себя поглубже. Прям и крепок...» — <i>перевод Я. Хелемского</i>	14
Первый снег — <i>перевод Я. Хелемского</i>	16
«Луг осенен благословеньем снега...» — <i>перевод Я. Хелемского</i>	17
Лампочка вдалеке — <i>перевод М. Алигер</i>	17
Вспышка созвездий — <i>перевод Н. Кондаковой</i>	18
Тишина — <i>перевод Ю. Мезенко</i>	19
«Чебрец и вереск. Мшистые холмы...» — <i>перевод Ю. Мезенко</i>	19
Выздоровление — <i>перевод Ю. Мезенко</i>	20
«...Пусть опаленным ртом еще хоть раз коснись...» — <i>перевод Ю. Мориц</i>	21
«Мы столько дорог одолели вдвоем...» — <i>перевод Ю. Мориц</i>	21
«В себе самом, как в келье затхлою, замыкаться...» — <i>перевод Ю. Мориц</i>	22
Шепот — <i>перевод Ю. Мориц</i>	23
Белый цвет шиповника — <i>перевод Вяч. Иванова</i>	23
Поездка в Литву — <i>перевод Л. Озерова</i>	25
За шагом шаг — <i>перевод Л. Озерова</i>	26
Фонтан — <i>перевод Л. Озерова</i>	27
Прощание — <i>перевод Л. Озерова</i>	28
Перезвон ландышей — <i>перевод Л. Озерова</i>	29

Микола БАЖАН
ПРОЛОГ К ВОСПОМИНАНИЯМ

Лирика

Перевод с украинского

Редактор Ю. И. Осипов

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 04.02.87. Подписано к печати 30.03.87. А 00353.
Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсет-
ная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,49. Усл. кр.-отт. 1,58.
Тираж 80000 экз. Изд. № 1212. Заказ № 143.
Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография име-
ни В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

- Участвуя в лотерее «Спортлото», вы вносите свой вклад в развитие физкультуры и спорта. Сотни спортивных сооружений в больших и малых городах страны построены с участием доходов этой спортивно-числовой лотереи.

- Тиражи «Спортлото» проводятся еженедельно.

- Выигрыш — от трех до 10 000 рублей.

- Каждый билет участвует в тираже двумя игровыми вариантами. Он выигрывает, если с результатами тиража совпадут не менее трех зачеркнутых номеров в одном из вариантов.

Желаем удачи!

**Главное управление
спортивных
лотерей Госкомспорта СССР.**